

ГРОМОВА
УЛЬЯНА

ИЗМЕНА

Украденный
сын

ОТЕЦ-ОДИНОЧКА

Громова Ульяна

Измена. Украденный сын

<https://litres.ru/74227549>

Аннотация

Артём любит жену так сильно, что готов ради неё на всё. Даже стать любовником её лучшей подруги.

Катя знает, что любить чужого мужа нельзя. Но именно от него она ждёт ребёнка и впервые чувствует себя по-настоящему счастливой.

Для неё эта беременность — подарок судьбы.

Для него — единственный шанс стать отцом.

Только у каждого из них совсем разные планы на этого ребёнка...

Содержание

Глава 1. Запретная связь	4
Глава 2. Воспитание жен и мужей	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Запретная связь

Мы выбираем, нас выбирают.

Как это часто не совпадает...

Катя

Кровать скрипела. Луна светила в открытое окно деревенского дома, белые прозрачные занавески легонько колыхались на сквозняке.

Артем, нависнув надо мной на вытянутых руках, ритмично работал бедрами между моих разведённых и согнутых в коленях ног. Мы смотрели друг другу в глаза, я обхватила ладонями его локти.

Наши встречи по ночам стали для меня наваждением.

Чужой муж. Муж моей подруги. Мужчина, которого я люблю и от которого ношу ребенка. Это наше сознательное решение — потому что Наташа бесплодна. Конечно, непорядочно с моей стороны, но в любви каждый сам за себя. Неприятно, конечно, но за запретную любовь нужно платить.

Ее ритм ускорялся — Артем двигался все быстрее, уже запрокинув голову и приоткрыв рот, постанывая так сладко, что горячий поток предоргазма хлынул из глубины плоти и словно передался моему любимому. Он дернулся сильнее, втиснув толстый член в меня до упора, и содрогался от экстаза с каждым сокращением моих внутренних мышц.

— Катюха... — прошептал Артём мне на ухо, ложась рядом, — мы с Наташкой в город переезжаем через месяц.

— Будем видаться там, — улыбнулась я и провела по потному лбу любимого кончиками пальцев. — Рожать я все равно туда поеду. Да и лучше уехать из деревни, тут ведь сразу поймут, чей у меня сын, когда он родится. А там папина квартира как раз освободится — я уже предупредила квартирантов.

— Ну так это же круто, Катюха! — сжал меня в объятиях любимый. — А я уж и так, и сяк вертел, думал, как быть. Не хочу, чтоб сын далеко был, видеть его каждый день хочу. Получается, все удачно складывается!..

Артём зацеловал мое лицо, шею и грудь, со вздохом отстранился и сел на постели. Красивый, статный, с таким телом, что ослепнуть можно. Сильный, большой.

Не мой.

— ...Ну, мне пора... — горько вздохнул он.

Провел теплой ладонью по моей ноге от колена к бедру, подмигнул довольным, натянул спортивные штаны и футболку, обулся и выпрыгнул в окно.

Артём

Наташа ждала меня, как и всегда. Сидела на постели и кусала ногти. Жене нелегко давалось спокойствие, когда я уходил «выполнять любовный долг» к ее подруге. Еще тяжелее удавалось делать вид перед ней, что ничего о нас не знает.

Вошел в комнату, сдернул с себя все и обхватил ее крепко руками, устроившись за спиной.

— Люблю тебя, моя девочка... — поцеловал в шею и скользнул по обнаженному плечу. — Хочу тебя, сладкая...

— Не могу больше так, Артем, — чувствовал, что вот-вот заплачет, — меня прямо разрывает от всего этого, как представляю, как ты там с ней... Гадина! Подруга называется!

Наташа все-таки заплакала, развернулась ко мне, обхватила шею и ткнулась в плечо мокрым носом. Моя любимая, единственная моя, радость, счастье мое... Мы сами это с нами натворили.

— Не плачь, Наташ, я реально только тебя хочу, а с Катей только здоровая физиология. Душой я только твой, ты же знаешь — никто мне не нужен. Люблю тебя одну...

— Я знаю, — жалобно захныкала, прильнула всем телом. У меня крышу каждый раз срывало, когда она вот так прилипала, когда твердые соски через шелковую тонкую маечку прикасались к моей груди, когда живот к животу. Мы с ней уже несколько лет вместе, а я все реагирую на нее как в первый раз.

Нас тогда обоих унесло. Она на практику приехала на две недели в город наш Перевальск, в конторе в архиве бумажки перебирала. Невинная, но тело уже взрослое: бедра крутые, попа большая, грудь третьего размера торчком. А я самый молодой там был, хоть и старше ее на пять лет. Первую беременность ей заделал уже через два дня — пригласил в

клуб, возбудил, совратил. Упоительно так было с девственницей. Неопытная, забавная, стеснительная как ни одна до нее. Наташа в общежитии жила в отдельной комнатке, никто не присматривал за ней. И мы все ночи до ее возвращения в колхоз трахались. Вспомню, как раком поставил, рассмотрел всю, потрогал и засадил первый раз, так член колом встает.

Думал, когда уехала, забуду ее, а не смог. Ломало без нее, бросил все и в деревню прикатил к фермеру на технику проситься. Принял. А я к бабке Наташкиной пришел на постой проситься — домов пустых не было, а мне и не надо. У Наташки родители, когда живы были, двухэтажный коттедж отгрохали.

Бабка сдала мне комнату. Так что не было проблем у нас с Наташкой, где встречаться. Только молода она еще была, и я тоже дурак, детей оба не хотели, аборт сделали. После первого все нормально было, а вот второй...

А бабка-то, оказалось, все знала и когда умирала, меня к себе позвала и клятву взяла, чтоб не бросал девчонку. Говорила, что я в ответе за нее, что видела она любовь нашу, не дура, век прожила, а потому молчала — чувствовала, что конец недалече, не хотела Наташку одну бросать, а когда любимый рядом — и по бабке переживать меньше будет.

А мне клятву легко дать было, я на самом деле Наташку больше жизни любил. Ради нее на что угодно был готов. Хоть Катку трахать, хоть всю деревню прирезать.

— Ну все, все... — гладил жену по голове, — я в боль-

ничке уже договорился, денег отвалил, обменную карту тебе завели, ляжешь в коммерческий бокс, когда ее положат, и мальчишку на тебя запишут, а ей скажут, что помер малыш. А мы потом уедем сразу в Краснодар. Я работу всяко найду, а ты с сыном будешь.

— А если я его полюбить не смогу? — снова расплакалась жена.

— Он же наш с тобой, мы же сразу так решили. Ты настраиваться должна. Ну где бы я денег на суррогатную мать взял? Дешевле вышло забашлять врачам. И сын это мой, родной, значит, и твой тоже.

— Не ходи к ней больше, — вцепилась в меня бедная моя девочка.

Представлял, как жене больно от всего этого.

— Не могу. Пока пацана не заберем — не могу. Мы же все спланировали. Уедем в город, я квартиру сниму на время. Там уж до родов недолго будет, не буду ее трахать — отговорюсь, что ребенку навредить боюсь. Не плачь только, Наташ.

— А сейчас что, не можешь отговориться? Брюхо-то у нее уже на нос лезет. Не противно тебе?

Я отодвинул от себя жену, все слезы ее целовал, губы собрал и напиться поцелуем не мог. Она даже в слезах вся сладкая, как мед, вкусная, желанная, всегда еще хочу, сколько ни дай. Снял с нее сорочку шелковую, уложил на спину и каждый сантиметр любимого тела облизал, с ума сходил от того, как хочет меня, какая горячая и отзывчивая, как течет

наслаждением своим, чисто амброзия.

— А ей ты так же делаешь? — спросила вдруг.

— Ни разу, — соврал. — И не спрашивай больше. Выкинь из головы.

Я понимал, что нереально это, я б сам не смог.

— Я посмотреть хочу.

— С ума сошла?! — Я аж сел. — Не вздумай даже! Зачем мучить себя еще больше?! Не смей ходить за мной!

— Я буду, Тём. Мне надо. Увижу и успокоюсь. Убедиться хочу, что у тебя с ней все не так, как у нас.

— Дурная затея, Наташ.

— Все равно пойду. Ты и знать не будешь.

А я знал — пойдет. И ведь не остановлю ее.

Закинул стройные ножки на плечи и всадил в нее член до упора, чтобы все мысли о другой выбить, чтобы плакала от наслаждения, а не от бессилия и ревности.

Я все продумал. Будет у моей девочки мой ребенок. Мечта ее, которую мы сами по молодости-дурости угробили.

Только вот вопрос жены запал в голову.

А сейчас что, не можешь отговориться? Брюхо-то у нее уже на нос лезет. Не противно тебе?

Я лежал и ждал, когда Наташа уснет.

И сам не понимал почему злился. Что мне мешало и правда отговориться от секса с Катей? И что меня тянуло к ней? Какое-то неясное, непонятное стремление увидеть маялось в груди. Прямо невыносимое, непреодолимое желание. Види-

мо, сказывалась привычка. Несколько месяцев постоянных встреч.

Прислушивался к своим ощущениям, распутывал их клубок и сердился на жену, что не засыпает. Ее голова на моей груди стала мешать, давить, волосы лезть в рот и раздражать.

А перед глазами стояла беременная голенькая Катя. Она красивая. Ее даже беременность не испортила. Поверни спиной — талия чуть шире, но на месте. И соблазнительный изгиб в поясице. Попка сердечком. Аппетитное тело, упруго-мягкое, округлое, приятное. Кожа бархатная. Голос глубокий, приятный.

Отодвинул от себя жену, перевернулся на живот, обнял подушку. Наташа тут же закинула ногу на мои бедра. Я стиснул зубы и закрыл глаза.

Но толку? Глаза открылись сами собой. Сна — ни в одном. Лежал и смотрел перед собой, ничего в крошечной темноте не различая. Лишь мутные силуэты мебели в тусклом лунном свете. Смотрел и вспоминал, как у нас все дошло до этого...

Катя

А я бы в город уже полгода назад уехала, да только вот Артем...

Сама не поняла, как у нас все закрутилось. Они с моей подругой Наташкой давно вместе, любовь с первой встречи, все такое. Потому я не обращала внимания на взгляды Арте-

ма, как он оживлялся при моем появлении, как старался рядом держаться, невзначай коснуться, наедине остаться, хотя никогда ничего больше разговоров себе не позволял, ничем не давал явно понять, что имеет ко мне интерес. Потом то подвезти вызывался, то невзначай где-то по дороге с работы домой мне встречался и просто провожал, болтая ни о чем, шутками забрасывая, и не скрывал это от своей жены — ничего ведь в этом такого не было.

Но все это незаметно набирало обороты. Артем мог уже при жене меня приобнять, поцеловать в щеку на прощание, поддержать за руку, подставить локоть на прогулке втроем...

Все шло совершенно не преступно и естественно, воспринималось как теплая доверительная дружба. Ведь Наташа не ревновала, а это маркер. Она уверена в муже, видит все, что происходит, значит, это просто дружеские знаки.

Все слетело с катушек, когда в очередную новогоднюю ночь Наташа перебрала шампанского, и ей стало плохо. Она ушла в спальню и легла, а мы с Артемом вдвоем продолжили праздновать. Он пригласил меня потанцевать. Не впервые, потому ничего такого я в этом не усмотрела. Но в танце он крепче прижимал меня к себе, а потом дал понять, что возбужден, и поцеловал. Горячо шептал, что давно меня хочет. Я и не поняла, как оказалась на его коленях на диване. Мало на коленях — на члене.

Секс был коротким и жарким. Едва успели привести одежду в порядок, оба растерянные и смущенные, в комна-

ту вернулась Наташа. Артем крутился вокруг нее, бросал на меня виноватые взгляды. А я чувствовала себя так мерзко, что не могла больше находиться с подругой рядом, и позорно сбежала, пока они отвлеклись.

На звонки Артема и Наташи не отвечала все новогодние дни и к двери не подходила, когда они приходили. Только ощущения те забыть не могла. Толстый, твердый и горячий член мужа подруги, дикое возбуждение, какого я никогда не испытывала и... желание повторить, но уже в нормальной обстановке.

Тогда я и поняла, что я — плохая подруга и что... влюбилась в Артема. Что только о нем и думаю, он занял собой мои мысли, время и сны.

Следующий наш секс случился очень скоро после первого. Однажды я рано утром открыла дверь, чтобы выйти во двор, и оказалась в его руках. Совсем не ожидала этой встречи, потому растерялась и даже слегка испугалась.

Артем подхватил меня на руки, занес назад в избу и жадно поцеловал. Шептал, что еле выдержал эти дни, не видя меня, обижался, что не отвечала на звонки и не открывала двери. Заморозил меня сначала, а потом так распалил, что я была даже рада его холодной одежде.

Правда, она недолго на нем продержалась — через несколько минут мы уже оба были голыми и в постели. Через пару часов он ушел. А я хлопала глазами на закрывшуюся за ним дверь и не понимала, что чувствую.

В тот день я не могла сосредоточиться ни на чем. Все валялось из рук. Я порывалась позвонить Наташе, но понимала, что сначала надо серьезно поговорить с Артемом.

Только вдруг получила от него смс в Ватсапе: «Хочу тебя. Жди ночью».

И я ждала. Думала, что это наваждение пройдет после обстоятельного разговора. Ведь его жена — моя подруга. Нельзя так. Я надеялась, что он удовлетворил свое желание, что это просто бес в ребро, классика — измена с подругой жены, которую он воплотил и теперь уgomонится. И мы все забудем.

Но нет. Я ошиблась. Артем пришел — и все повторилось, и он был ненасытен всю ночь.

Неделю потом только писал эсэмэски и звонил, но прийти не мог — Наташа сильно хандрила, и он от нее не отходил. Я пришла ее навестить, но разговора не вышло — она и без моей исповеди плохо выглядела, лежала серая и опухшая, будто от слез. Я даже подумала, что Артем ей во всем признался. Но он сказал, что нет, хотя она правда плакала, но не из-за нас — из-за того, что не может родить ребенка.

Артём

Это было уже не помню какое по счету обследование. Наташа все надеялась, что рассосется. Только не все диагнозы поддаются лечению. Поэтому рассосались вырученные от продажи моей городской квартиры деньги, а не наша проблема.

Наташа скатывалась в депрессию, и я решился на отчаянный шаг — охмурить Катю, заделать ей сына и забрать его. Одинокая девка, засидевшаяся без нормального мужика в колхозе — легкая цель. А мне некуда было уже отступить. Взял ее нагло, нахрапом, не давая слова сказать против, хотя и заигрывал некоторое время — готовил благодатную почву.

Чувствовал какое-то время, что слетит с крючка, Наташке повинится, и решил действовать открыто. Для жены. А Катю использовать втемную.

Ту неделю, что я не ходил к ней, Наташа переваривала мою измену. Чуть голову мне топором не расколола, весь дом едва не разнесла. Истерика у нее была знатная, я даже думал, что спятила она, не выдержала после циничного ответа врача «Детей не будет. Не тратьте деньги, лучше в дом малютки обратитесь да усыновите младенчика».

Наташка тогда рыдала, покончить с собой грозилась, а меня будто снежной лавиной накрыло — выморозило все внутри, а в голове все слова врача звучали. Только вот не хотели мы чужого ребенка, а иметь своих только я мог.

Наташа очень боялась, что я брошу ее бездетную. Дурочка моя. Потому согласилась на авантюру.

Только видит черт, как мне тяжело с ней стало. Особенно первое время, когда к Кате ходил. Сначала тайком от Наташи, чтобы меньше думала об этом, но потом она вроде успокоилась, затихла, Катю ненавидеть стала, а от меня постоянно внимания требовала, слов о любви, секса. Я иногда с тру-

дом вывозил.

Наташа успокоилась, только когда Катя забеременела. Ждала, что я ходить к ней перестану. Только нельзя было так — надо с Катей до самых родов рядом быть, контролировать все, вовремя успеть сына забрать. Катя поплачет и еще родит. Бог ей зачтет. А я свою повинность в аду потом отслужу. Лишь бы Наташа ребенка получила. Моего. Нашего...

Мысли эти так уснуть и не дали. Чем-то этот вечер отличался от остальных таких же, хотя все было как всегда, по одной схеме: поход налево, любовь с женой как искупление. Я не мог понять, что изменилось.

Встал потихоньку, включил в кухне чайник, взял Наташкины свежие номера журналов со стола. «Гламур», «Вог», «Подиум», «Аппарт». Последний — самый любимый, к тому же каталог — жена из него выписывает себе наряды. Скинул их в кресло и сел за стол. Положил руки на него, сжал кулаки, опустил голову и зарычал тихо, направляя звук внутрь себя.

Бесили эти непонятные чувства, лишившие сна.

Отрезвил только щелчок кнопки чайника. Налил в стакан кипятка, бросил пару пакетиков заварки и встал у окна. Август подходил к концу, но лето будто решило задержаться — не пожелтел ни один лист на деревьях, ни одна травинка, снова зацвели одуванчики.

Светало. И мне захотелось пройтись по безлюдным улицам.

Я допил чай, поставил кружку в мойку, вернулся в спальню, чтобы одеться. Наташа вроде бы спала. Позвал ее тихонько — не откликнулась. Я удовлетворённо кивнул, надел штаны и футболку, мимоходом прихватил толстовку и тихо вышел из дома.

Было тепло, но я хотел пройтись до реки, а там по утрам туманы. Поэтому кофту закинул за плечи и завязал впереди на узел рукава.

До рыбной станции, что стоит на нашей Перелеске, километра три по дороге, но мне хотелось тишины — шума хватало и в голове от мыслей и эмоций. Деревня наша большая, краевого значения, за ней аэропорт недалеко, трасса со статусом федеральной, зверосовхоз крупный тут, даже страусовая ферма есть.

На ней Катя и работает в офисе. Не знаю, как ее должность называется, да только делает она все: и страницу хозяйства в соцсети администрирует, посты туда пишет, и кожу этих птичек-эму сбывает на сумочки и перчатки, а скорлупу на сувениры сдает. У нас дома есть расписанное под картину Шишкина с медведями одно на подставке. Наташа фыркает на него — дешевка, ей бы Фаберже.

Мысли о жене вспенили раздрай в душе, аж кончики пальцев закололо, бежать куда-то захотелось и орать во всю глотку. Никогда мне с ней спокойно не было, она мой вечный двигатель — ни на минуту не дает расслабиться. Ради нее всю свою жизнь перевернул, ее желаниям подчинил. Даже

секс у нас с ней самый отвязный, только когда я заслужу. Последний раз он был, когда полмиллиона за месяц ей принес. Рекорд побить пока не удастся, и на всякие там игрища я могу не рассчитывать, пока снова что-то «вау» не сделаю. Наташа умеет мотивировать, видно, оттого мне и хочется орать и бежать.

Только я сам не понял, как задворками по привычному пути пошел и около Катиного дома оказался.

И орать перехотелось, и достигаторствовать тоже уже не тянуло.

Сел на пень, сорвал травинку, в рот сунул. Смотрел на темные окна, слушал отдаленный шум трассы, гул самолетов, и все это таким далеких и заполошным казалось. А здесь — тишина, соловьи поют — заслушаешься, роса на траве блестит, пахнет свежестью и моментами дымком от соседнего дома — печку топят. А Кате я сам лично отопление провел, теплый туалет делал, душ, зимний септик — летом труба не замерзает, в болотину все стекает, когда цистерна под землей переполняется. И вода у Кати в доме. У Наташи родители все сами сделали, я на готовое пришел, хозяином себя не чувствовал. А тут по дружбе своими руками как себе бы все сделал, от души, от сердца, оттого у Кати как дома себя чувствовал, уютно.

Теперь тут женщина спит, которая сына моего носит...

Снова в груди то самое чувство замаялось, заныло, душу выворачивая. Да что оно такое, черт его раздери?!

Опять орать захотелось... только теперь от того, как невыносимо к Кате потянуло. Рядом лечь, тепло ее почувствовать, руку на живот положить, движение мальчишки моего уловить.

Кажется, я понял, наконец, почему ноги сами сюда меня несут.

Скорей бы родила, да забрать его. Дома будет сынок, и я метаться перестану от него к жене. Счастье в дом придет.

Устал я от истерик Наташкиных, жилы рвутся на ее хотелки пахать. Займется ребенком — интересы другие будут. Будет с мамашками на детской площадке подгузники обсуждать да присыпки. И я выдохну.

О, кажется, придумал, чем жену занять — надо в город ее свозить, квартиру вместе посмотреть да необходимое для сыночка купить. Уедем, конечно, сразу, но на первые пару дней что-то же надо будет пацану — кровать там, коляска... даже не знаю.

Встал, травинку изжеванную выплюнул, хотел к дому уже развернуться, да ноги словно в землю вросли. Хоть убей, а хотелось к Кате зайти.

Перемахнул через забор, тихо к открытому окну подошел, на руках подтянулся, в комнату тихо на пол ступил и кроссовки скинул. Носки снял. Толстовку отвязал, штаны стащил и футболку. Вообще не думал, что делаю. Захотел я так и не мог иначе.

Шагнул к кровати.

У Кати дома даже слишком тепло — надо будет батареи прикрутить. Раскидалась на постели, ночная рубашка задралась, оголила бедра загорелые, живот... Все оголила, потому что Катя без трусов дома ходила — мешали он ей, скатывались под живот и давили.

А я... слюну сглотнул, разглядывая Катю между ног, член колом встал. Красивая все же девушка, во всех местах аккуратная, манящая.

Тихо опустился рядом с ней, придвинулся вплотную, слюной пальцы смочил и между бедер рукой скользнул, потер осторожно клитор. Потом рубашку выше задрал тихонько, сосок губами накрыл, поласкал нежно.

Катя проснулась.

— Артем? — удивилась, не испугалась даже.

— Я, — глухо отозвался от того, как мое имя из ее уст прозвучало — тепло так, ласково.

Трусы спустил, бедро Кати на себя подтянул и вошел в нее медленно, в горячую плоть туго погружаясь. Аж дыхание перехватило от того, как приятно, как головку защекотало от предвкушения.

Двигал бедрами медленно, с протяжкой, наслаждаясь, расслабляясь все сильнее.

Я не по необходимости с ней сейчас был, а потому что хотел быть с ней. Потому что скоро у меня не будет больше беременной женщины, которая носит моего сына. Потому что мы сами с Натахой эту часть счастья похерили. А я нормаль-

ный мужик, хочу приходить к беременной жене, трогать и целовать ее живот, чувствовать, как сын растет, пинается, пяточки его щекотать и улыбаться от радости, что отцом стану. И любить жену беременную хочу, осторожничать и кайф получать от секса, который не только плотское удовлетворение приносит, но и новую жизнь.

Размеренно, неспешно входил в Катю, клитор ласкал пальцами, целовал и гладил, чуть сминая, налитые груди, в шею и волосы носом зарывался, пахнувшие кедровыми орешками и хвоей. Господи, как же хорошо с ней... До одури, аж в теле трепещет.

Возбуждение росло от стонов Катиных откровенных, я быстрее двигаться стал, чувствуя, какая она теперь мокрая и открытая.

— Люблю тебя, — прошептала и кончила. — А-ахрте-е-еммм... — губу закусил.

И я по привычке ответил:

— И я люблю тебя...

Только в груди запекло вдруг непривычно от слов своих же, словно кровь вспыхнула, я зарычал, всадил в Катю член и в два сильных толчка тоже кончил. Сильно так, на грани нервного срыва, умопомешательства, сладко.

Так, не вытаскивая член, Катю к себе спиной повернул аккуратно, прижался весь, руку под шею подсунул, обнял ею и грудь накрыл, второй живот обхватил и в шею сзади носом уткнулся.

Горячая Катя согрела меня собой, и я уснул с улыбкой, почему-то счастливый.

Глава 2. Воспитание жен и мужей

Если у тебя проблемы с одной бабой, зачем идти к другой?

От этого проблемы только увеличатся!

(Николай Петрович Воронин)

Проснулся от того, что Катя завозилась в моих руках. Поднял голову, взглянул на настенные часы — всего час проспал. Но чувствовал себя бодрым. Полным сил.

— Чего не спишь? — убрал волосы с лица развернувшейся ко мне Кати. — Через час только вставать.

— Мне после обеда на работу надо будет прийти. У меня отпуск и отгулы остались, так что сегодня схожу, деньги получу и отдыхать буду. Как раз за месяц вещи соберу для переезда. Ты мне с машиной поможешь?

— Конечно, Катюш, — улыбнулся, как-то по-новому ее лицо разглядывая.

Глаза большие, ресницы пушистые, носик прямой, скулы красивой формы и губы... Захотелось Катю поцеловать. Я себе в этом отказывать не захотел. Живот беременный в мой упирался, кожа к коже — так приятно, черт возьми. Я еще ближе Катю к себе подтянул и целовать начал. Вкусный поцелуй такой получился, затяжной, потому что прерываться не хотелось.

Трусы спущенные мешать стали, и я ногами задергал, чтобы их скинуть. Рубашку с Кати снял, поцелуями от шеи к

груди спустился, ласкал обе, зацеловывая, и все животом к ее животу прижимался. Сын толкался, и я чувствовал это, чуть не задыхался от ощущений причастности. Будто сам беременный был. Зацеловал живот, ниже спустился. Ножки шире Катины развел и вылизал ее нежно, то и дело низ живота большого целуя.

Черт возьми, как же это странно и здорово одновременно. Я даже забыл, что не жена это передо мной, упивался стонами Катюши, лапал живот, вцеплялся в бедра, натягивал на свой язык мокрую дырочку и сам стонал и урчал от удовольствия.

Потом на колени сел, подушку из-под Катиной головы выдернул, под поясницу затолкал и бедра на себя подтянул, на член Катюшу насадил.

Я не трахал ее, а любил, осторожно, в собственных чувствах путаясь. Потом развернул ее спиной, на колени поставил, вошел сзади и живот подхватил, чтобы поддержать. И от кайфа крышу сносило. Лучше, чем за титьки подержаться.

Кончил, содрогаясь всем телом, контролируя себя, вжимаясь глубоко, но так, чтобы не навредить. Меня всего перетрясло от оргазма.

Катя выпрямилась, изгоняя меня из себя, повернулась. Глаза распахнутые, губы приоткрытые. Обняла за шею, и я ее обхватил, к себе прижал.

— Артем... — прошептала. — Как же мы дальше будем?
Я промолчал.

А что сказать мог?

Заберу сына. Все на места встанет. А пока...

Пока я буду наслаждаться, чтобы на всю оставшуюся жизнь хватило. Чтобы запомнить эти ощущения, как это охрещенно приятно — беременную моим ребенком женщину ласкать.

Да, в этом все дело. Во мне отцовский инстинкт просыпается, вот и тянет к Кате как магнитом, вот и хочу ее, потому что даже секс с беременной и тот другой. Будто самоутверждающий, возвеличивающий до дрожи, животворящий.

На речку я все-таки сходил. Быстрым шагом, самым коротким путем. Скинул всю одежду и в трусах на глубину нырнул. Обожгло холодной водой, но кровь быстрее по венам побежала, и когда вынырнул, телу было уже тепло. Адреналин зашкаливал. Я выложился на максимум, будто гонку на скорость выиграть старался, наплавался до приятной усталости.

Вышел на берег, снял трусы, отжал и оделся. Пора было домой. Наташу на работу везти. Да и проверить, есть ли мне работа в деревне. Еще рано для сбора урожая, но мой личный парк спецтехники редко простаивал. Не ассенизаторская машина, так трактор, или погрузчик, или эвакуатор, или грузовик кому-то да нужны были. Я без дела редко сидел, порой соседа-пенсионера нанимал, когда сам разорваться не мог.

Сегодня среда, из сети гипермаркетов в городе просрочку надо ехать забирать. Я уже два года по договору с магазинами работал, половину деревенских домов обеспечивал кормежкой для кур, гусей да свиней. В первую очередь, конечно, Катюше возил, только ей стало тяжело разбирать тонну продуктов, так что я просил в магазинах в отдельные мешки овощи и фрукты скидывать, что еще не раскисли в гнилую кашу, и сам в сарай уносил их, чтобы Катя только доставала, сколько надо, да резала.

Черт, забыл батареи у нее прикрутить, надо будет по пути заехать. А окна закрывать пора, а то продует еще беременную.

Домой вошел, весь в мыслях о планах на день. Засоня моя жена еще спать должна была. Но нет. Стояла у окна в кухне, как я ночью.

Нехорошее предчувствие шевельнулось.

— Ты чего рано встала? — спросил и руки ей на плечи положил.

Она обычно свои ладошки сверху моих клала, а тут развернулась и такую пощечину мне влепила, что искры из глаз посыпались. Только они потухли, по второй половине лица прилетела следующая пощечина — тут уже чуть глаза из орбит не выкатились. Я в шоке отступил, за лицо схватился.

— Скотина! — зашипела Наташа, на меня наступая, и снова замахнулась. — Видела я, как ты «не так, как у нас» ее трахаешь! Вылизал всю, только что жопу не целовал! Мразь!

Ненавижу!

От следующего удара я уберегся — перехватил руку за запястье, потом вторую. Зато коленом по яйцам получил так, что не только искры и глаза из орбит, а и весь воздух из легких вылетел. Как щука на берегу рот разевал, завывал от нестерпимой боли и за яйца обеими руками держался.

А Наташа как с цепи сорвалась. Лупила меня, за волосы таскала, под конец чем-то по голове шарахнула, так что в глазах потемнело и что-то горячее по лицу и волосам потекло. В ушах зазвенело, я на колени рухнул. Головой потряс. Что-то острое в кожу воткнулось — в ноги, в ладони, в голову.

Кухня перед глазами закружилась. Я зажмурился.

Наташа оставила меня в покое, только дверью так хлопнула, что с полки на стене рядом с косяком что-то упало и покатилося звонко.

Я не сразу в чувство пришел. Когда перед глазами кружить маленько перестало, понял, что жена мне на голове чайник электрический со стеклянной колбой разбила, осколки в голову вонзились, а на другие я коленями и руками сам рухнул. Кровь сочилась и смешивалась с водой, кожу щипало и яйца болели.

И что-то меня такое зло взяло на жену...

Поднялся, осколки из ладоней и коленей вытащил, по голове провел и зашипел. Что нащупал, то с рычанием от остро-болезненных ощущений убрал, но все ли?

Пошел в душ.

Наташа стояла там голая, подставив лицо струям, и плакала — я слышал сдавленные всхлипы. Не истерила — злилась. Впервые вот так яростно. У меня сердце сжалось. Не мог на нее долго сердиться. Но, черт возьми...

Зашел в душевую кабину, закрыл за собой створку, обнял жену, к спине прижимаясь.

— Наташ...

Уловил движение локтя, отпрянул, чтобы еще под дых не получить, но из рук не выпустил. Обхватил ее локти, к телу прижал, к ней всем собой прижался, почувствовал, как вздрагивает от слез.

— Отвали! — крикнула отчаянно.

У меня в груди все закипело от жалости, будто ком горячий огромный внутри перевернулся. Я принялся жену целовать: плечи, шею, спину.

— Уйди, я сказала! — потребовала она.

— Нет, — на ухо шепнул.

Она щеку прижала к плечу, сопротивляясь, а я терся об нее пахом... и ничего, черт возьми, не происходило. Член не вставал. Да и яйца еще болели.

— Ты ее хочешь! Ее! А не ради сына! — рыдала жена.

Да, блядь, хочу. Сам в шоке.

— Наташ, я не один виноват во всем. Резинки тебе не нравились, спираль ты ставить отказалась, таблетки сама себе выписала. И про второй аборт я узнал, когда ты его уже сделала...

— Да, конечно! Я виновата! Ты же мужик, ты ни при чем!
— заорала она. — Зато теперь трахаешь другую — и нормально тебе! Сына заделал. Доволен?! А мне он не нужен уже! Понял?!

— Нужен! — заорал я. — Нам с тобой он нужен! — потрянул жену.

Мне нужен. Как это без сына? Да пусть бы и дочка. Милашка в платьице. Как так — ребенок не нужен? Мы что же, женились, чтобы только трахаться и на работу ходить? Это как-то... неполноценно, дыра в жизни, провал.

— Нет! Нет! Не хочу! — завизжала Наташа и затопала, наконец, скатываясь в истерику.

Идиотизм, конечно, но теперь я знал, что делать. Это уже был привычный сценарий.

Катя

Сумма всех денег, что мне причиталась, порадовала. Да еще были те, что платили арендаторы городской квартиры. Там надо будет сделать ремонт, сменить полностью мебель, подготовить детскую и можно уже покупать сыну приданное.

Шла домой с улыбкой, поболтала по пути с соседкой — договорились вечером о встрече.

После того как я стала любовницей Артема, с Наташей дружба получалась натянутой и продолжалась скорее по инерции. А когда я забеременела, чувство вины мешало общаться с подругой еще больше. Наташа даже чаще приходи-

ла ко мне в гости, чем я к ней. Без Артема мне было легче с ней, хотя разговоры выходили пустые. Наташа все о них с Артемом говорила, о планах на жизнь, куда в отпуск поедут, какие он ей подарки дарил... ну всякое такое. А у меня в груди пекло от ревности. Я после нее как больная ходила, плакала от обиды.

Только на кого обижаться-то? Только на себя. Сама на член чужого мужа села, сама от него понесла, сама точку не поставила. Слишком видный Артем мужчина, напористый, ласковый. Я раньше и не смотрела на него так, а теперь других на его месте не видела. Все какими-то не такими казались.

Я думала, скажу ему о залете, и он материться станет, что я должна была следить за этим.

А Артем... передо мной на колени упал, обнял и к животу лицом прижался, обцеловал его весь. Взгляд на меня поднял, а в глазах радость и слезы. И это его срывающимся шепотом «Спасибо, Катюша... Я и мечтать не смел... Я все для тебя и для него сделаю». Артем такой благодарный был, на руках носил, фрукты и цветы каждый день стал таскать сумками и охапками, кружил меня на руках и все время живот трогал. И каждый секс с поцелуев в живот начинался, которые спускались ниже. Артём «ты моя радость» шептал, когда целовал. Его прикосновения другими стали и взгляд внимательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.